

Ванька остается таким, каким был. Трепещущая раздвоенность текста, столь ощутимая в его стилистической организации, мощно подкрепляется возникающим гротеском.

Вновь повторю — сама по себе история Ваньки, придуманная молодым Фонвизиным, чтобы посмешить сестру и ее мужа, может быть понята просто как шутка, а не как гротеск. Однако ее помещение в контекст «Петербургского текста» обнажает ее именно гротескный характер, возможно и не ощутимый в первоначальном горизонте ожидания, в момент написания письма, но выявившийся в ходе литературной эволюции. В том обратном свете, который бросает на фонвизинский эпистолярный текст «Петербургский текст русской литературы», письмо приобретает совсем особенный смысл.

Действительно, в письме Фонвизина с Санкт-Петербургом сопрягается тема зла и несомой им смерти. Причем гибель приобретает какой-то несерьезный, шутовской и в потенции жуткий характер. Но, с другой стороны, в тексте заметны семантические потоки совсем иного рода. Ведь оно написано на страстной неделе, т. е. в тот период, когда взаимоотношения смерти и жизни приобретают особую остроту. В частности, то, что связано со смертью, обращивается необманчивой надеждой на спасение. Существенно также, что и автор, и его герой Ванька — оба готовятся к причастию, говеют, т. е. собираются приступить к тому, что в рамках христианского сознания и предполагает движение от смерти к жизни, от гибели к спасению, и, хотя об этом говорится откровенно иронично и даже не без глумления, все это, благодаря амбивалентности смеха, вводит в смысловое поле письма катарсическое начало. Петербургская жизнь в данном письме предстает одновременно и в угрожающем, гибельном, и в преобразующем, несущем спасение, видах. Причем оба эти начала неразрывно здесь переплетены в едином корне — Санкт-Петербурге. Получается, что в этом городе — воспользуемся словами В. Н. Топорова — «...от зла к добру, от смерти-гибели к спасению есть путь», а это значит, «что из одного корня растут два близнеца, противоположные друг другу во всем, кроме этого единого корня, главной ситуации существования человека».¹⁹ Культурологический комментарий, позволяющий подключить к пониманию текста позднейшую литературу, и помогает обнаружить в простой на первый взгляд шутке столь глубокие смыслы.

* * *

Конечно, постановка письма Фонвизина в данную парадигму требует очень и очень существенных оговорок и пояснений. Остановлюсь на некоторых из них — в виде *Postscriptum'a*.

¹⁹ Топоров В. Н. Указ. соч. С. 301.